— В какое страшное время мы жили, если беспощадно истреблялись великие режиссеры, художники, композиторы, артисты, писатели, ученые,— сказал Михаил Ульянов, открывая вечер, посвященный 50-летию со дня гибели Вс. Э. Мейерхольда.

Среди прочих кар, обрушившихся на головы лучших представителей советской интеллигенции, наиболее страшным было стремление предать забвению самое имя человека, которого сперва шельмовали, затем репрессировали, подвергали пыткам, принуждали к самооговору, после чего физически уничтожали.

При этом палачи и гонители не сомневались: никто никогда не узнает их имена, не восстановит истину, потому что история — такая наука, с которой можно проделывать любые фокусы, лишь бы надежно упрятать концы в воду. А уж в этом-то они мастера!

Не верьте тем, кто утверждает, будто кривда сильнее правды. Просто она частенько

12
тии его судьбы, не боясь назвать имена тех, кто сводил счеты с режиссером и охотно бросал камни в разрешенном направлении, зная, что оттуда никто уже не возвращается. И воздаст мужеству тех, кто не дрогнул, не предал Учителя, за что и разделил его участь...

Особый случай — монография о Михоэлсе. Московское издательство «Прометей» сообщает, что издание книги осуществлено за счет средств автора Матвея Гейзера — учителя математики, никогда не видевшего Михоэлса на сцене. «Книга М. Гейзера,— пишет в предисловии к ней Иван Семенович Козловский,— не претендует на театроведческое исследование творчества Михоэлса, она не является и романзированной биографией — автор не беллетрист и не театровед,— однако собранные им материалы, факты и свидетельства современников Михоэлса рассказывают читателю немало нового о жизни этого замечательного человека и актера».

Сов. Курьезы. — 1991. — 2 марта. —

ВОЗВРАЩЕННЫЕ

— С. 11.

ИЗ НЕБЫТИЯ

запаздывает, но последнее слово все равно за ней. И пусть себе бездарности издаются миллионными тиражами, увеличиваются лаврами, пусть пьезы их ставятся во всех театрах, а холуи курят им фишам — все это суета сует, на которую не стоит обращать внимания. Придет время, и все встанет на свои места, а о самозванцах, пытавшихся пробраться в вечность, никто толком и не вспомнит.

В справедливости этих слов меня убеждают события последних лет, особенно касающиеся людей искусства. Как бы из небытия постепенно возвращаются имена Шалапина, Рахманинова, М. Чехова, Дягилева, Бенуа, Мейерхольда, Таирова... Сравнительно недавно список этот дополнили Лесь Курбас, Соломон Михоэлс, Сандро Ахметели. Вышли книги, в которых не просто рассматривается их творческий путь и восстанавливаются наиболее выдающиеся создания, но и честно рассказывается о трагической судьбе каждого из них.

Фундаментальный труд о Лесе Курбасе впервые на русском языке подготовили и издали в Москве, в «Искусстве», М. Лабинский и Л. Танюк. С помощью воспоминаний современников составителям удалось проследить путь режиссера от родительской колыбели до дня трагической гибели 15 ноября 1942 года. Рассказ ведется в строгой хронологической последовательности, что придает ему ощущение какой-то особой целостности, будто у книги этой не полтора десятка авторов, а один, хотя среди них есть люди с мировым именем и почти никому не известные... И тут же — серьезные театроведческие статьи Н. Кузякиной и Н. Корниенко. И избранные публикации работ самого Курбаса.

Монография Нателы Урушадзе «Сандро Ахметели» вышла в популярной серии «Жизнь в искусстве». Столичное издательство «Искусство» впервые знакомит читателей с творчеством выдающегося мастера грузинской сцены, доверяя повествование автору, откровенно влюбленному в свой предмет, но ни на минуту не забывающему о том, что речь идет не об ангеле, а о живом человеке — импульсивном, вспыльчивом, увлекающемся, ничем, кроме своего таланта, не защищенном. Н. Урушадзе — один из лучших и серьезных грузинских современных театроведов — впервые так скрупулезно восстанавливает не только спектакли Ахметели, но и все трагические перипетии

Да, автор действительно не театровед и не беллетрист. Но его роль вовсе не свелась к собиранию фактов, хотя и это тоже важно, особенно в театроведении. М. Гейзер, на мой взгляд, сочинил прекрасную книгу, обнаружив в равной степени дар добросовестного исследователя и талантливого писателя, посвятившего своему нелегкому труду два десятилетия. Ну а то, что по образованию он математик, так это не беда.

И последнее. Когда читаешь все три книги подряд, обнаруживаешь, до чего же при всей несхожести художественных индивидуальностей этих колоссов возникают одни и те же трагические обстоятельства, одни и те же несправедливые обвинения в формализме, национализме, невнимании к современности, а то и просто во вредительстве. Правда, в каждом отдельном случае не забыты и те немногие, кто не дрогнул в тот час роковой.

Мало того, выясняется, что изгнанный из Харькова Курбас получает приглашение от Михоэлса и начинает репетировать в ГОСете «Короля Лира». Репетиции продолжают до самого того дня, когда Курбаса арестуют... Аналогичная ситуация сложилась и у Ахметели. Выдворенный не только из театра, но и из собственной квартиры, он вместе с семьей переезжает в Москву и начинает репетировать здесь «Фландрию», а в Ленинграде, параллельно, «Князя Игоря». Именно в этот момент Ахметели познакомился и сдружился с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем, задумал вместе с Николаем Дмитриевичем Волковым создание либретто балета «Витязь в тигровой шкуре»... Все это до того самого момента, пока и за ним однажды ночью не пришли трое в штатском...

Мы часто спрашиваем себя: отчего у нас так плохо обстоят дела с режиссурой, забывая о том, что на протяжении десятилетий наиболее одаренные в этой области люди методично истреблялись. Поощрялись не индивидуальность, но управляемость, покорность, послушность, исполнительность.

Говорят, чтобы восстановить лесные порубки, нужны годы. Так неужели же не ясно, что и настоящие большие художники не могут родиться на другой день после грибного дождя? Возвращенные из небытия имена великих режиссеров еще раз напомнили нам об этом.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.